

1. *Вопиашина С В.* Коммуникативно-прагматический потенциал наименований лиц в современном немецком языке): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2002.
2. *Мейрманова К С.* Системные и коммуникативные аспекты номинации лица в современном немецком языке): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990.
3. *Адмони В Г.* Основы теории грамматики. Л., 1964. С. 49.
4. *Гулыга Е В., Шендельс Е И.* Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., 1969. С. 9-10.
5. *Левковская К А.* Лексикология современного немецкого языка. М., 1968. С. 204-207.
6. *Кошель Г Г.* Опыт выделения дерогативных имен лиц в современном английском языке // МГПИИЯ им. М. Тореца: сб. науч. тр. М., 1978. Вып. 134. С. 129.

7. *Аззамов М.* Опыт выявления идиоматичности и мотивированности (на материале сложных и сложнопроизводных существительных имен лиц в современном немецком языке): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1975. С. 30.

Поступила в редакцию 21.09.2007 г.

Kovalevskaya A. V. Structure and lexical filling of the microfield «pejorative name of person». The survey targets in the given article are pejorative names of person, which represent a part of a lexico-semantic category «person naming unit» in the German language. From the point of view of the field theory there is an opinion provided that pejorative names of person form a microfield, whose constituents are united by the common language function. The structure and lexical filling of different microfield levels (from the core to the periphery) are investigated and examined.

Key words: pejorative, pejorative name of person, lexical, semantic, category, field, periphery, kernel.

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ПРОСТРАНСТВО» В ДРЕВНЕ-И СРЕДНЕВЕРХНЕ-НЕМЕЦКОМ

Е Г. Кошкина

Статья посвящена рассмотрению особенностей вербализации концепта «пространство» в древне- и средневерхненемецком. В работе выявлена совокупность вербальных репрезентантов концепта в двн. и свн., на основе их семантико-этимологического анализа сделан вывод, касающийся различного смыслового наполнения конститuentов концепта в диахронии, причиной которого является определенный характер объективной пространственной действительности разных исторических эпох.

Ключевые слова: концепт, репрезентация, диахрония, пространство.

В данной статье концепт «пространство» рассматривается как лингвокогнитивный и лингвокультурный феномен.

Культура представляет собой совокупность концептов разного уровня сложности, образующих опосредующую поведениe представителей определенного этноса ценностную КМ, систему, где в качестве системообразующих факторов выступают именно концепты или константы культуры.

Выбрав в качестве предмета исследования концепт «пространство», мы ставим перед собой цель выявить совокупность языковых единиц в двн. и свн., репрезентирующих этот концепт, проследить изменение этой системы в рамках названных периодов развития языка, обозначая наиболее ярко выраженные когнитивные признаки концепта,

которые свидетельствуют о наибольшей значимости того или иного концептуального слоя, входящего в структуру концепта.

Наше исследование опирается на теоретическое положение, касающееся номинативной плотности концепта в процессе концептуализации действительности. Если какое-либо явление актуально для определенного этапа развития общества, то это непременно выражается в наличии его множественного вариативного обозначения. Вывод о входящих в концепт значимых элементах делается, исходя из степени их вербальной представленности, из особенностей их выражения в языке. Достижение поставленной цели возможно, как представляется, на основе семантического и этимологического анализов лексико-семантической группы, кон-

ституирующие которой объединены общим признаком – отнесенность к пространству.

Для описания комплекса основных параметров обозначения Вселенной в лингвокультурологии выработан такой способ, как анализ бинарных оппозиций. В.Н. Топоров отмечает, что система бинарных различительных признаков выработалась в недрах первобытного сознания. А с точки зрения Т.В. Топоровой, каждое противопоставление можно интерпретировать как реализацию какого-либо элементарного космогонического акта, например, «высокий – низкий» – отделение неба от земли, «длинный – короткий» – растяжение или сжатие пределов космолизованного пространства, «широкий – узкий» – увеличение или уменьшение, «далекий – близкий» – членение на профаническую периферию (далекое) и сакральный центр (близкое) [1]. Основная функция оппозиций, по В.Н. Топорову, – описание семантики мира, что так же отмечено Т.В. Цивьян [2–5]. Главенствующее место в иерархии оппозиций занимает универсальное противопоставление «внутренний – внешний», все остальные оппозиции, например «закрытый – открытый», «близкий – далекий», «здесь – там», «этот мир – иной мир», подчиняются ей.

В нашем исследовании в качестве основной для анализа мы выбрали оппозицию «внутренний – внешний», которая моделируется нами как круг и линия (линейное пространство), что является, на наш взгляд, наиболее адекватным способом ее описания.

Выбор концепции круга для описания пространства может быть обоснован следующим образом: «солярный круг изначально присущ всем индоевропейским народам, небесный символизм и вера в небесную силу (культ солнца) лежали в основе первобытных ритуалов и ранней архитектуры; круг имеет несложную структуру – «центр – периферия», удобную для моделирования, структурирования, описания окружающего пространства как в горизонтальном, так и в вертикальном плане; в описании модели мира тема круга занимает исключительно важное место. Круг – символ мира, символ единства пространства и времени. По мнению Т.В. Топоровой, идея круга отразилась в номинации пространства (Вселенной), что можно подтвердить следующими языковыми фактами: двн. *uerl̥t-r̥ing* «круг мира», свн.

erda-ring «круг земной», двн. *um biring* «круг вокруг /мир», двн. *m ittilagart* «земля, земной круг!» [1, с. 20–25].

Оппозиция «внутренний – внешний» в пространстве круга может быть интерпретирована так: внутренний – это вместе взятые центр и периферийные области в границах круга, внешний – это все, что расположено вне плоскости круга. Оппозиция «внутренний – внешний» преломляется в социальном коде в оппозицию «свой – чужой».

Т.В. Топорова, рассматривая проблему семантических мотивировок древнегерманских социальных понятий, исходит из того, что концепция социального деления общества построена на основополагающей оппозиции внутреннего и внешнего. Члены коллектива, находящиеся внутри, конституируют социальную группу, являются ее полноправными представителями, например, в др.-исл. *hurr* «принадлежащий своим, тем, кто здесь, полноправный член общества» (от корня **kei-w-r** *kei-w- / *kei-* «здесь, этот», ср.: гот. *heīwa-frauja* и др.-англ. *ofer-higian* «приводить к конфликту с обществом, делать изгоем»). Совокупность лиц, называемых *hurr*, соотносится с пространственной сферой, создает основу для складывания пространственных понятий – герм. **hainaz* (др.-исл. *heim r* «мир»), а также территориально-административных делений (др.-исл. *he-rað*, др.-швед. *hérarþ* «округ»).

В готском языке гражданин обозначается как *inn-gardja*, а государство как *riðan-gardi*, т.е. две эти лексемы ассоциировались с представлениями об обособлении своего от чужого (гот. *bi-gairdan* «опоясывать», «отделять», очерчивая круг, внутренне от внешне-го). Им противопоставлены люди извне, лишённые социального статуса, например: др.-исл. – *ut-lagr* «преступник, лишенный прав, изгой», букв. «лежащий вне», соотносится с *ut-garðr* «внешнее огороженное пространство», противопоставляемое срединному огороженному пространству (*m ið-garðr*). [1, с. 97–98].

С позиции расположения в горизонтальной линейной плоскости член оппозиции, описываемый нами как «внешний», представлен как пространство далекое, наиболее удаленное от центра, соответственно, другой конституент оппозиции – это пространство близкое, минимально удаленное от центра.

	ДВН	СВН
замкнутость/ защита	<ul style="list-style-type: none"> - um <u>ringen</u> - <u>bifang</u> - «Um kreis» - <u>inlahhenes</u> - «in Inneren» - um <u>bihringen</u> - «etwas mit einem Ring um geben» 	<ul style="list-style-type: none"> - be-<u>haltung</u>e - «verschlossener Ort, Schutz gew ährender Ort» - burc-<u>rinc</u> - «um schlossener Burgraum» - <u>in-gewesen</u> - «innewohnen» - <u>in-vanc</u> - «Innenraum» - <u>rinc-wer</u> «Verteidigungsring» - burc-<u>w er</u> - «Verteidigung, Befestigung einer Burg» - <u>lant-w er</u> - «Grenzbefestigung» - be-<u>schieren</u> - «beschützen»

Весь набор противопоставлений в аксеологическом аспекте (в оценочном поле) презентуется оппозицией «хороший – плохой». Близкое, свое оказывается положительным, а далекое, чужое маркирует отрицательный член оппозиции.

Совместив названные перспективы анализа пространства, выделим три основные составляющие: *внутреннее* (расположенное в плоскости круга), свое, близкое, положительное пространство; *внешнее* (расположенное вне круга), далекое, чужое, а значит, отрицательное пространство; *пограничное пространство*, граница.

Конституент «внутренний»

Неотъемлемые семантические составляющие «внутреннего» пространства (пространства внутри круга) – замкнутость и защита, которую обеспечивает граница, позволяющая дифференцировать свое и чужое.

Приведенные производные и сложные лексемы достаточно наглядно демонстрируют связанность таких когнитивных признаков концептуального слоя «внутреннее пространство», как: замкнутый (компоненты, восходящие к индогерм. корню *pâk ← нвн. fangen со значением «befestigen, halten», либо восходящие к герм. корню *hald-a „hüten, schützen, bewahren“); заключенный в пространстве круга (компонент -ring-, также компонент in-); находящийся под защитой (компонент wer). Отметим, что сказанное характерно как для двн. периода, так и для свн. периода развития немецкого языка.

Главную защитную функцию выполняла каменная стена – ограда (двн. mûra, свн. mûre), которая обеспечивала более высокую степень защиты, нежели изначально сплетенная из прутьев, а затем сооруженная из отдельных брусьев, жердей. По свидетельст-

ву лексикографических источников частотность употребления лексем с компонентом -mûra, -mûre гораздо выше в свн., нежели в двн. В свн. в большем количестве встречаются лексические единицы, обозначающие: процесс обнесения стеной: be-mûren, mûren, mûren, ver-mûren, umbenûren; саму каменную постройку: berwrit, burc-mûre, dillestein, ge-mûre, mûr-want, quader-mauer, rinc-mûre, stein-mûre; дополнительные защитные сооружения: burc-wal, ge-tülle – «укрепление посредством ограды из деревянных кольев»; хорошо укрепленные и защищенные постройки, местности – крепости, города и т.д.: burg, burgh, buruc, fest/veste, kastel, stat-veste.

По сравнению с свн. периодом в двн. больше лексем, подчеркивающих такой необходимый признак создания своего пространства, как отделение его от чужого посредством создания границы: geundem archôn, firegurten/um bigurten, m archôn, umben archôn, соответственно undem archunga.

Согласно антропоцентрическому подходу свое, близкое, положительное пространство можно описать с точки зрения отдельного индивида и его семьи, или более широкого социума, проживающего на определенной территории.

В качестве центра индивидуального пространства рассмотрим жилище отдельного индивида с очагом как важнейшей его точкой. Как известно, первое жилище человека – пещера. Исходя из этимологического родства двн. hulli, свн. hülle с глаголом двн. hullan, свн. hüllen, «покрывать, скрывать, прятать» заключаем, что функция пещеры как первоначального жилища была – скрыть, спрятать, укрыть от опасности. С развитием цивилизации тип жилища усложняется. Человек начи-

нает строить его сам. Процессу создания и возведению собственного жилища предшествовал переход к оседлости, что ярко отражено в двн. и свн. лексике.

По данным словарей двн. и свн. лексические единицы, служащие для описания процесса перехода от кочевого образа жизни к оседлости, а также оседлого жилища возводятся к следующим корням: индогерм. *sed-, герм. *set-ja со значением «сидеть», и е. * (s)keu- с основным значением «покрывать», герм. *tan-ja-н «древесина, строительный материал», и е. *den- «строить», герм. *bōwwa- «поселять». Таким образом, оседлость (*sed-, *set-ja) предполагала обязательное возведение прочного жилища (*den), первоначально из древесины (*tan-ja), название которой и было впоследствии перенесено на возводимое жилище (двн. zim bar, свн. zim ber «жилое помещение», также *bōwwa).

Дом – это макет, проекция мироздания, приспособленная к размерам и возможностям человека, который строит его по своему образу и подобию. Дом уподобляется Вселенной, поскольку возможно его трехчастное членение (чердак, жилое пространство, подполье), которое присуще внешнему пространству, пространству вне дома. Дом – символ освоенного пространства, он противопоставляется миру за его пределами как замкну-

тое – открытому, безопасное – опасному, внутреннее – внешнему. Важность наличия у человека своего дома отражается в многообразии соответствующих устойчивых выражений: mit hūse sîn, hūse haben, dahain en beleiben, hütte bauen, herberge schaffen.

Главная функция дома – защита. Зримое выражение этой функции – стены и крыша (двн. thah – «покрытие», от и.е. * (s)teg- «покрывать», т.е. Dach изначально «покрытие в целях защиты», затем – символическое обозначение защищенности, безопасности, надежности, ср.: нвн. выражение «das Dach über dem Kopfhaben»).

Особый сакральный характер придает дому очаг/огонь. Двн. herd имеет в качестве первичного значение «печь, пепел» (и.е. *ker «гореть», гот. hauri «уголь»). Это значение расширяется в средневерхненемецкий период, приобретая сему пространственности, о чем свидетельствует наличие в сложных словах определяемого компонента, обозначающего месторасположение: viür – stat, viwer – stat, viwer – stat, viür – ram, viür – stat/viwer – stat – Feuerstelle/Lagerfeue. Возможен метафорический перенос наименования с огня на то, что им символически обозначается, т.е. на дом, например: свн. hert – stat уже не просто место разведения костра, огня, но «семейный очаг», «дом».

	Процесс перехода от кочевого образа жизни к оседлости	Оседлое жилище
двн.	<ul style="list-style-type: none"> - a r t ō n, bū ō n bū a n / bū a n, n e s t ō n – «w ohnen» - g i s e l i d ō n / g i s i d a l e n – «sich niederlassen» - s e l i d ō n – «eine W ohnung bereiten» - z i m b o r e n, z i m b e r e n – «erbauen, errichten» 	<ul style="list-style-type: none"> - a n a s i d i l i - b o u, bū / p ū, bū r, g i b ū i, g e b i u w e, g e b ū e d a, g e b i u w e d a, k a p ū i d – «W ohnsitz/Platz» - n e s t – «häusliche N iederlassung» - s e d a l – «Platz» - s e l i d a – «H ütte, H erberge» - z i m b i r a – «H a u s, W ohnung»
свн.	<ul style="list-style-type: none"> - b e - h ū s e n – «m it einem H a u s e v e r s e h e n, w o h n e n» - bū e n, b o u w e n – «w o h n e n» - e r - bū w e n – «a u f b a u e n» - s e d e l n – «s i c h s e t z e n, n i e d e r l a s s e n» - z i m b e r n – «b a u e n» 	<ul style="list-style-type: none"> - a n - s i t z – «f e s t e r W o h n s i t z» - a n e s i d e l – «H a u s» - bū / b o u / p ū, bū - u n g e – «S i e d l u n g» - e i n - h ū s – «E i n s i e d e l e i» - g e - h ū s - g e - z i m b e r, h ū s - z i m b e r – «B a u h o l z, B a u, G e b ä u d e» - s e d e l - h o f, g e - s i d e l e, g e - s e d e l e – «W o h n s i t z» - s e d e l u n g e – «W o h n u n g, W o h n s t ä t t e» - n i d e r - l ā z – «N i e d e r l a s s u n g, W o h n o r t, R u h e p l a t z» - z i m b e r – «H a u s, W o h n u n g»

Наличие собственного очага, а следовательно, и жилища, являлось в Средневековые условия правоспособности человека в рамках деревенской общины. Это можно расценить как свидетельство особого правового характера своего пространства. Следует, таким образом, подчеркнуть связь сакрально-магического и социально-правового компонента концепта «пространство» с понятием своего, защищенного.

Двигаясь линейно, а именно радиально во всех направлениях от центра по горизонтальной плоскости своего пространства, мы оказываемся в самой близкой к центру периферийной области, в качестве которой рассматриваем территорию прилегающего непосредственно к дому двора.

Вяч. Иванов, В.Н. Топоров рассматривают двор как «пространство, примыкающее к дому и огороженное забором [6]. При более широком подходе двор может рассматриваться как нечто единое с домом и противопоставленное лесу и полю (поле сопоставляется с лесом и рассматривается как чужое, внешнее неосвоенное пространство).

У древних германцев двн. *hof* «укромное место, угол», затем – «возвышенное место», «участок земли, изначально необрабатываемый, расположенный на возвышенном месте» (двн. *hof* и двн. *houg*, нвн. *Hügel* восходят к одному корню – **keu-*), позже *Hof* – территория, прилегающая к дому, которую окружали изгородью, и где строили жилище, хозяйственные постройки. Свн. лексема *hof/hob* обозначала не только крестьянский двор (свн. *meier-hof*), но и, как результат влияния фр. *cour* – княжеское поместье (*sedel-hof, vron-hof, vürsten-hof*).

Следующая периферийная область – обрабатываемые земли вблизи жилища. Она репрезентирована, прежде всего, лексемой двн., свн. *land*. Др.-англ. слово *land-begang* «расселение на земле», «обработка, возделывание земли» свидетельствует о том, что заселение земли происходило одновременно с ее обработкой и освоением. В силу общественно-экономических изменений семантическую трансформацию (расширение значения) переживает и лексема *land*, включая в состав своего значения понятие территории, местности, занимаемой отдельным племенем, народом и затем понятие страны или любой

территории с общим действующим на ней земельным правом.

Активное освоение природы, отвоевывание чужого пространства с целью расширения площади своего, происходит в V–X вв. Именно в это время осуществляется вырубка лесов (двн. *rûmma* «освобождать территорию, лесом», *rûm* – это освобожденная от зарослей земля для ее дальнейшего обживания и возделывания) и распашка земель (двн. *artôn*, свн. *art* от герм. * *arđi* „das Acker“ – *ar-ja* (*pfügen*)+ *ti*, лат. *arare* «пахать», *aruum* «пахотное поле», также двн. *acker, feld/ gefilde, lant, sât*, кроме того, свн. *bû, bou, bûwunge* – *Bestellung des Ackers, esch/ezesch* – *Kornfeld, Acker, vurch/ vorch/vurich* – *Feld, Acker*, строительство жилища (двн. *artôn/ ardôn* «жить», др.-сак. *ard* „Wohnplatz“).

Уже в свн. сущ. *rûm* и глагол *rûmen* утрачивают названные значения, развитие их семантики идет от конкретного к абстрактному, лексемой *rûm* обозначают любое свободное место, незанятое пространство, а главным значением глагола *rûmen* становится «убирать, освобождать место». В значении «пахота, пахотная земля, пахотное поле» слова *Art, Artacker* в нвн. употребляются только как устаревшие в некоторых диалектах.

Утрата лексемами *art* и *rûmen* их основного значения, присущего им в двн., свн., свидетельствует о том, что необходимость в «отвоевывании» «чужой» земли, превращение ее в свое пространство на определенном этапе развития общества отпала.

Конституент «внешний»

Понятие «внешний» связано с «далекий», «чужой» и «неизвестный». «Далекое» может соотноситься с определенной стороной света, чаще всего с севером (двн. *nordsita* – «Land im Norden») или западом (свн. *wester-land/ wester-rîch* – «Abendland»); с чем-то отрицательным в моральном смысле (двн. *wîtuobele* – «далекое пространство, где предположительно все наоборот, ему свойственны прямо противоположные моральные законы»); с безграничным (двн. *wîto* – «*w eit, grenzenlos*»); с неидентифицированным пространством (оно где-то, неизвестно, где, вне своего, за его границами двн. *alleswâr/anderswâr*, свн. *alswâ* – *anderswo, ur – lende – außerhalb des Landes*); с горем, страданием (двн. *elilenti/свн. ellende*, свн. *ellentiom* «проживание в чужой стране» → «чужая сторона»); с пустынностью, запу-

щенность, необжитостью (двн. *durrî, einôti* – Einöde, Wüste, wîld в значении «плохо обрабатываемая земля», свн. *heide, un – gevilde*); с тьмой (свн. *finstirland* – Land der Finsternis); с хаосом и злом (двн. *sîte* «вялый, лишенный энергии» (ср.: ирл. *smith* «зло», др.-англ. *siden* «колдовство», др.-сев. – *seið* «колдовство»), свн. *(j)ensît/ jene sîte*, «далекая сторона», «жизнь после смерти», «берег пограничной реки, отделяющей мир живых от мира умерших»); с небытием; с движением, в семантической мотивировке лексем со значением «далекий» (гот. *faira*, др.-англ. *feorr*, двн. *ferro*) отражена идея движения и -евр. **per-* «выведение из» (гот., др.-англ., двн. *faran*), оно обозначает движение вперед (гот. *fair* «перед»), имплицитующее переступание границы, расширение пределов [1, с. 70].

Конституент «пограничное пространство»

Граница – важный символ, реализующий такие семантические оппозиции, как «внешний – внутренний» и «видимый – невидимый» и формируемый на их основе противопоставление открытости – укрытости, соответственно опасности – (риска) – безопасности (надежности).

Как отмечает Л.Б. Лебедева, «конец или предел является необходимой психической опорой для восприятия любой данности. Пространство – это данность, вне которой человек себя не мыслит. В своих отношениях с пространством человеку требуется границы, которые замыкают пространство вокруг него» [7]. В мифопоэтической традиции предел выполняет важнейшую функцию: он отделяет космос от хаоса, конституирует и сакрализует космизированное пространство. Космос существует лишь благодаря наличию определенных границ, и в этом смысле его «предельность» противопоставлена безграничности, беспредельности хаоса. В древнегерманской мифопоэтической традиции понятие предела воплощается в различных образах. Прежде всего, речь идет об универсальном символе предела – мировом древе («древо меры» – др.-исл. *m jct-viðr*), соединяющем все космические зоны и служащим эталоном измерения мира.

Согласно Т.В. Топоровой, семантические мотивировки древнегерманских понятий «предел, граница» можно условно подразделить на три группы:

– *отделение* (свн. *reinen* – abgrenzen, *reinunge* – Grenze, Abgrenzung, индогерм. **krei* «разделять, сепарировать») Разделяющая функция границы представлена в следующем ряду лексем: *gisceid/ kesceite* – Grenze, *land-scheidunge* – Landesgrenze, *schide-zûn* – Grenzzaun, *schid – mûre*, где основную семантическую нагрузку несет компонент от двн. *skeidan*, свн. *scheiden* со значением «разделять, расчленять»);

– *соединение* (ср.: герм. **mairjō* «граница», от и.-е. **mei* «скреплять». Связь и.-е. **mei* «скреплять» и **mai* «отделять, рубить» (*meizen* «резать», гот. *maitan* «рубить»), определяет еще один существенный аспект герм. **mairjō*, а именно имплицитно выраженная отделенность);

– *движение* (аспект динамики имплицитруется в и.-е. **ter* «прорываться, преодолеть», а также в некоторых предлогах – гот. *þairh* «через», двн. *durh*, также ср.: лат. *trans* «пограничный камень»).

Анализ двн. и свн. лексем, служащих описанию границы, позволяет сделать следующие выводы относительно характера границы и способа ее создания. Чаще всего граница – это некая линия в пространстве (*untamerchi – Grenzlinie*), по одну сторону от которой располагается свое пространство, а по другую располагается чужая земля. Но наряду с таким представлением о границе существует ее описание как пограничной области, например: *an – wande, an – wende* – Grenze, *Grenzstreifen, angrenzender Acker, biuntþiunt* – Grenze, *Grenzstück, bî-welt* – Grenzfeld, *e-vade – die durch e-zûn (Zaun) gebannte Flur, ûz – gewandte – ungepfügter Streifen zwischen zwei angrenzenden Äckern*.

Особое отношение к границе имел лес, например: др.-исл. *mçrk* «пограничный лес», свн. *vür – holz – Waldhand* и свн. *waldes-halp – am Wald entlang*.

Граница может быть естественной (насаждение кустарника – двн., свн. *has*, соответственно *be-hagen, hagen, hegen, ver-hegen*), ей на смену пришла граница, созданная человеком искусственно. Создание границы (свн. *marc – scheid*) связано с целью не просто отгородить свое от чужого, но с намерением укрепления своего. В качестве средства укрепления использовали как деревянные планки, доски (свн. *planke* – *Plankenzaun, ver-tüllen*, свн. *tülle, dil* – «дос-

ка», свн. *schîe, schîge* – Um zäunung von Pfählen, свн. *truoder, truodel* – aus Latte gemachte Verzäunung), так и в более поздний период камень, например: *ver-steinen*. По своим защитным свойствам они значительно превосходили плетеные ограждения: *zîn – stelle, ban-zun, zîn – stal, zîn – stat, hove-zîn*.

Еще у древних племен существовали особые способы маркировки границ (*mâl – Zeichen, M erkm al, Fleck, G renzzeichen, mâl – stat – G renzstätte*) своей территории, которыми являлись, судя по данным словарей, дерево – *marc – boum, mâl – baum* (этимологически близки др. – исл. *méiri* «граница» и *meiðr* «дерево», ср. с и.евр. **mei* «кол, столб» и лат. *meta* «конусовидный столб»), камень (*biet – stein – G renzstein, mâl – stein, tim – stein*, где *teme, time – G renze*) или даже всего лишь небольшая пометка (надрез) на дереве, камне, например: *lâche, lâchene* (*lâch – stein – G renzstein*).

Семантика глаголов, объективирующих в языке процесс создания границ, связана со значением круга, что объясняется сакрально-магическим значением последнего, например: *um ben ûren – um ringen, begûrten – um gärten*.

О большом значении, которое придавали границе, свидетельствует наличие в двн. и свн. обширной лексико- семантической группы со значением «граница»: *gem erchi, gem erkede, m archunga, g reniz, g renize*.

Создание границы считалось очень важной правовой процедурой, что отразилось в семантике лексемы *mar – reht* «*M ärkerrecht, Abgabe des M ärkers oder der Gem arkung*». Связь границы с областью правопорядка можно проследить не только на примере специальной маркировки места раздела своей и чужой территории. Установление границы означало создание на отграниченной территории особого правопорядка, который заключался в ненарушении мира и спокойствия населявших это пространство людей, что четко выражено в значении двн. и свн. лексем *fridu, fried* (*be- vriden, einfriedigen, ver- vriden* «огораживать, создавать защиту»)

Многие лексемы, обозначающие ограждение, переживают обратную семантическую трансформацию, они расширяют свое значение, описывая обнесенный оградой участок, тогда как изначально их рассматривали как средство создания границы, например: двн. *hag/hegi*, свн. *gehêge*, свн. *eter*, двн. *garto*, свн.

knick, свн. *kuppel, koppel*. двн. свн. *rant*, а также двн. *m archa*, свн. *m arke*.

Граница в узком смысле слова – это пределы своего дома. Потолок (*thekki*), пол (двн. *asterîn*), стены, а также полог (*infart – Schw elle*), дверь (*turi/tuori/thuri/tura/ûura*, свн. *hûs-tür, klösen – tür, übertür/obertür*)/ворота (*ingang*), окно, нерегламентированный вход-выход, которым пользуются лишь в крайнем случае – символы такой границы.

Из сказанного выше можно заключить, что определение границ продиктовано необходимостью «устройства» человеком своей территории, на которой он проживает и которая становится «средством его защиты». Устанавливая границы, он обособляется в пределах своего космизированного пространства среди себе подобных. Семантические мотивировки границы свидетельствуют о важной роли в ее обозначении идеи движения, ее разделяющей и объединяющей функции, а также связанной с ними, вытекающей из промежуточного положения границы, ее посредничества между двумя территориями правовой функции.

Проведенный семантико-этимологический анализ языкового материала свидетельствует о том, что смысловое наполнение составляющих концепта изменяется в диахронии. На древнем этапе развития человека и общества свое пространство мыслится скорее как «(временное) укрытие», наиболее общая лексема со значением «оседлость», двн. *heim a*, свн. *heim*. Такое укрытие представляло собой своего рода землянку (свн. *ert-gerüste*), непрочное, часто покрытое (двн. *gezelt* от **têldan* «прикрыть») теплой прочной тканью убежище (двн. *filzhûs*). Заключение о функциональном назначении временного жилища позволяют сделать свн. лексемы: *herberga, selde, sölde, selden – hûs*. Это – защита, ночлег для войска, место расположения войска, также *râwa/ restî* – место, предназначенное для отдыха (от лат. *restare* «оставаться»). Временные постройки, как, например, свн. *buode, hûsel, hütte, heim, gezelt, herberge, loubé* обладают минимальными удобствами и практически лишены комфорта.

С переходом к оседлому образу жизни свое пространство стало мыслиться не как временное убежище, это, прежде всего, хорошо защищенное пространство, что непременно предполагает его ограждение, диффе-

ренциацию обрабатываемого и окультуренного (rûm, lant, acker вместе с hûs, herd, bûr, hof) от дикого, неосвоенного (ellende, site, walt, heide и др.) Следовательно, свое пространство есть обязательно огороженное пространство. Принципиально значимой становится граница.

Итак, семантико-этимологический анализ лексики, диахроническое рассмотрение лексико-семантической группы, в которую входят языковые единицы со значением пространства, позволяют нам сделать некоторые выводы относительно концепта «пространство». Выявленная лексико-семантическая группа языковых единиц достаточно обширна. Она позволяет классифицировать единицы, объективирующие концепт, по 3 группам, вербально реализующим такие концептуальные области, как свое, чужое и пограничное пространство. Поскольку ментальная репрезентация объективно существовавшей пространственной действительности в разные исторические периоды различна, различен и тот смысл, который вкладывается в понимание своего, чужого и пограничного пространства.

Таким образом, в диахронии наблюдаются изменения в структуре концепта, происходит, с одной стороны, его «переструктурирование», с другой – меняется концептуальное наполнение языковых единиц со значением пространства. Причина таких трансформаций – экстра- и интралингвистические факторы.

1. *Топорова Т В.* Семантическая структура древнегерманская модель мира. М., 1994. С. 72.

2. *Топоров В Н.* Первобытные представления о мире (общий взгляд) // Очерки истории естественно-научных знаний в древности. М., 1982. С. 8-40.
3. *Топоров В Н.* Об антропоцентризме древнегерманского космогонического мифа // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / Н Д. Арутюнова, И Б. Левонтина. М., 1999.
4. *Цивьян Т В.* Модель мира и ее лингвистические основы. М., 2005.
5. *Цивьян Т В.* О некоторых способах отражения в языке оппозиции «внутренний – внешний» // Структурно-типологическое исследование в области грамматики славянских языков. М., 1973. С. 242-260.
6. *Иванов Вяч Вс., Топоров В Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период). М., 1965.
7. *Лебедева Л Б.* Семантика ограничивающих слов // Логический анализ языка. Языки пространств / Н Д. Арутюнова, И Б. Левонтина. М., 2000. С. 93-97.

Поступила в редакцию 7.09.2007 г.

Koshkina E G. Peculiarities of verbal realization of the concept "space" in Old and Middle German. The article is aimed at investigating peculiarities of verbal realization of the concept "space" in Old and Middle German. The research reveals the whole complex of verbal realizations of the concept in Old and Middle German. Having analyzed the semantic-etymological structure of the concept the author suggests that treating the concept "space" diachronically we may speak about a variety of conceptual characteristics realized in the constituent parts of the concept. The author draws a conclusion that this may be caused by differences in objective visions of the notion "space" in different epochs.

Key words: concept, representation, diachrony, space.